

ПИОНЕР

Пионер

№ 6

Ежемесячный детский журнал
Центрального комитета ВЛКСМ

Июнь 1942 г.

Издательство „ПРАВДА“

Р О Д И Н А

К. СИМОНОВ

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Вся в черных обручах меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,—
Ты вспоминаешь родину, такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Кусок земли, припавшей к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно биться в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

Муса Джумагалеев—молодой казак, но он уже много раз отличался в боях с фашистами.

ЭТО—ГВАРДЕЙЦЫ!

«Храброе сердце — лучшая защита государству».

Петр I.

Человек стоит на правом колене. В руках его тяжело струящееся, колеблемое ветром багряное знамя. По бархатному полю золотом начертано: «Смерть немецким оккупантам!»

Человек поднимает знамя вверх и восклицает голосом, полным волнения:

— Не щадя своей жизни, клянусь—сражаться! Пусть не дрогнет в бою рука.

И весь полк с торжественной силой отвечает своему командиру:

— Стоять за родину—клянемся. Военскую честь беречь—клянемся. Слово даем народу и Сталину.

Это присягают гвардейцы, принимая боевой стяг.

Бессмертными подвигами гремит по родной земле гвардейская слава. Издавна это звание самых отважных, их почетное и славное отличие.

«Возьми себе в образец героя древних времен, наблюдай его, иди за ним вслед, поравняйся, обгони... Слава тебе!»—учил Александр Суворов своих богатырей. Но не сразу возникают храбрость, умение, сила. Богатырями не рождаются. В суровой школе войны, в тяжелых и трудных испытаниях растут храбрецы, в грозных и страшных боях к ним приходят отвага, выдержка, воля. Лютой зимой по крутым склонам Альп через буран, морозы вьюгу шагала вперед суворовская гвардия. Это

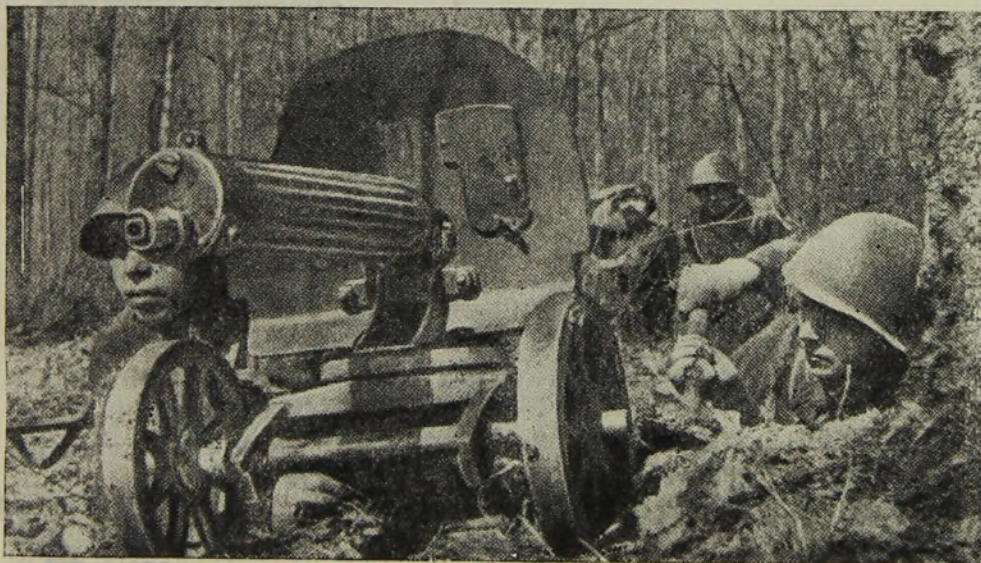
СВЕТЛОВСКИЙ ЦЕНТР ДОСЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР ДОСЛЕДОВАНИЙ
БИБЛИОТЕКА

Гвардейский минометный расчет сержанта Золототрубова в наступлении. Расчет в боях уничтожил два станковых пулемета противника, минометную батарею и взвод немецкой пехоты.

Экипаж старшины Ивана Гусакова ведет свой счет с врагом — отважные гвардейцы уже уничтожили три вражеских миномета, одно противотанковое орудие, несколько десятков солдат пехоты противника. На снимке: тов. Гусаков вместе с водителем Михаилом Топуловым готовятся к очередному бою.

Уметь окапываться быстро и хорошо — задача каждого воина. Гвардейский пулеметный расчет, которым командует сержант Н. А. Шаронин, занял новую огневую позицию и окапывается.

был поистине марш непобедимых, предводительствуемых генералом Вперед. Так звали фельдмаршала даже враги. «Там, где пройдет олень, там пройдет и русский солдат. Там, где не пройдет олень, все равно пройдет русский солдат!» — с законной гордостью говорил Суворов.

...Шли годы. Сила русского оружия все росла и росла. И вот снова нетленная слава овеивает подвиги русской гвардии. Но никогда еще на долю воина не выпадали такие тяжелые испытания, как в современных битвах с фашизмом. Вспоминая историю возникновения советской гвардии, генерал-майор А. Лизюков говорит: «Легко и просто было солдатам Александра Македонского оградить себя щитом от вражеской стрелы или гусару Мюрата проскакать по чистому полю навстречу кавалерии неприятеля. Куда трудней современному бойцу ползти под огнем минометов и автоматов к исходному рубежу для атаки или единоборствовать с танком врага.. Все это возвышает значение подвига каждого отдельного воина. Но советская гвардия оказалась той могучей силой, которая полностью соответствует характеру современных битв».

И потому, когда мы говорим: «Гвардия!», — мы говорим всегда о воле, смелости и презрении к смерти.

Не изгладится из памяти многих поколений рассказ о снежном разъезде Дубосеково, где в борьбе с пятьюдесятью танками отдали свою жизнь двадцать восемь героев — панфиловцев. Никогда не забудут грозных танкистов генерала Катюкова, удачных смельчаков из конницы Доватора, громящих в лесных набегах фашистские

штабы. Страшна врагу советская гвардия! День ото дня крепнет она, наливаясь богатырской силой. Где гвардеец, там и победа.

Они сейчас всюду: в темных лесах Севера, под морскими волнами в подводных лодках, в тайных и незаметных пещерах гор, откуда так хорошо стрелять по врагу, в могучих самолетах, обрушивающих шквал бомб на вражьи силы. Каждый род войск имеет теперь свою гвардию—грозную, ударную силу, цвет Красной Армии! Растет боевая семья гвардейцев, крылатых, лесных, морских, горных.

Это не всегда люди гигантского роста, богатырского сложения, могучих мускулов. Это простые воины с храбрым сердцем. Врага они настигают всюду. Бой принимают в любых условиях. Бьют наповал. Дерутся насмерть. Среди гвардейцев северных лесов знаменит человек по имени Чигаев. Он ухитрился в одном бою пустить в ход и ручной пулемет, и гранату, и штык. Подпуская врага на сорок метров, Чигаев косил его пулеметными очередями. Когда патроны вышли и трое фашистов напали на него, он выхватил штык и убил всех троих. В это время к замолкшему пулемету подбежали другие гитлеровцы. Держа в левой руке пистолет, Чигаев правой выхватывал гранаты и бросал их в немцев, срывая кольца зубами. В этом бою он еще троих уложил штыком и одного — меткой пулей.

Бывают подвиги незаметные на первый взгляд, но полные беззаветной воинской смелости и умения воевать. Молодому лейтенанту комсомольцу Валерию Дмитриеву недавно вручили орден Красной звезды. Четыреста мин обезвредил за несколько дней этот храбрый юноша, много раз шагавший по минным полям. Он шел впереди, очищая минированную фронтальную магистраль, чтобы через несколько часов сказать бойцам своей родной части: «Путь открыт, вперед, товарищи!»

Но у Дмитриева был уже большой военный опыт, знания, выработанное во многих походах самообладание. Этого не было у повозочного Овчаренко, молодого украинского парня родом из Воронежской области. Военные приключения его необычайны. И если бы не были они записаны строгим, официальным языком в представлении наградного отдела, можно

Наславу работают крылатые гвардейцы. Их имена знает страна. Своей отвагой знаменит бесстрашный истребитель — Герой Советского Союза капитан Дудин.

было бы подумать, что это новый вариант былины о богатырях.

Овчаренко вез боеприпасы своей роте. Ехать ему было порядочно, четыре—пять километров. Он спешил, искал дорожку покороче: ведь за кромкой леса товарищи ждали патронов, лежащих в повозке. На пути была деревня. Едва он поровнялся с крайней хатой, как из-за угла выскочили две немецкие машины с солдатами и тремя офицерами.

— Хальт!—крикнул один из них, выпрыгнув из машины, и сильным ударом выбил винтовку из рук оторопевшего повозочного.

Тот невольно попятился к повозке. В машинах сидели, насмешливо улыбаясь, несколько десятков немецких солдат.

«Смеются!»—смутился Овчаренко и покраснел от стыда. Вдруг спина его прикоснулась к чему-то холодному. «Топор!»—вспомнил боец.

Дальнейшее произошло с невероятной быстротой. Топор взвился над головой повозочного—и голова офицера свалилась около телеги. Рванув из-за пояса гранаты, Овчаренко одну за другой метнул их в

машины. Оглушительный взрыв поднял пыль и комья земли. Где-то уже вдали, у огорода, мельнула фигура второго офицера. Не подумав о том, что его могут подстрелить, Овчаренко бросился с топором вдогонку. Он зарубил и беглеца. В испуге разбежались несколько оставшихся в живых немецких солдат вместе с третьим офицером.

Только тогда повозочный вытер рукой потный лоб. Сколько продолжался бой, он не мог бы сказать. Трупы в разорванных мундирах валялись перед ним на пыльной земле.

— Ждут патронов,—растерянно сказал боец.— Надо спешить... Эх, не поверят, не переведут к пулеметчикам!

Стать пулеметчиком было давнишней мечтой Овчаренко. Быстро перебегая от немца к немцу, он собрал у всех — их оказалось двадцать один — документы, аккуратно сложил офицерские карты, схемы, записи, бросил все в телегу и повез патроны в роту.

...Мечта его исполнилась. Повозочный стал пулеметчиком. Только против его фамилии в списках стоит теперь новое звание—Герой Советского Союза Дмитрий Романович Овчаренко.

Кто не слышал о Любушкине—Герое Советского Союза, старшем сержанте, командире грозного танка! С целой группой бронированных чудовищ вступил в единоборство его экипаж. Как гроза понесся он навстречу фашистским танкам. И они не успевали следить за ним. Вот Любушкин справа, вот слева, стремительно маневрирует, внезапно перебрасывается с одного края поля на другой. На пути его вспыхивают яркими факелами подожженные фашистские машины. Все минуты учтены. Каждое решение должно быть молниеносным. Это знает смелый командир. И пото-

му в одном бою подбил он пять немецких танков.

Так воюют только неукротимые в отваге люди. Это гвардейцы!

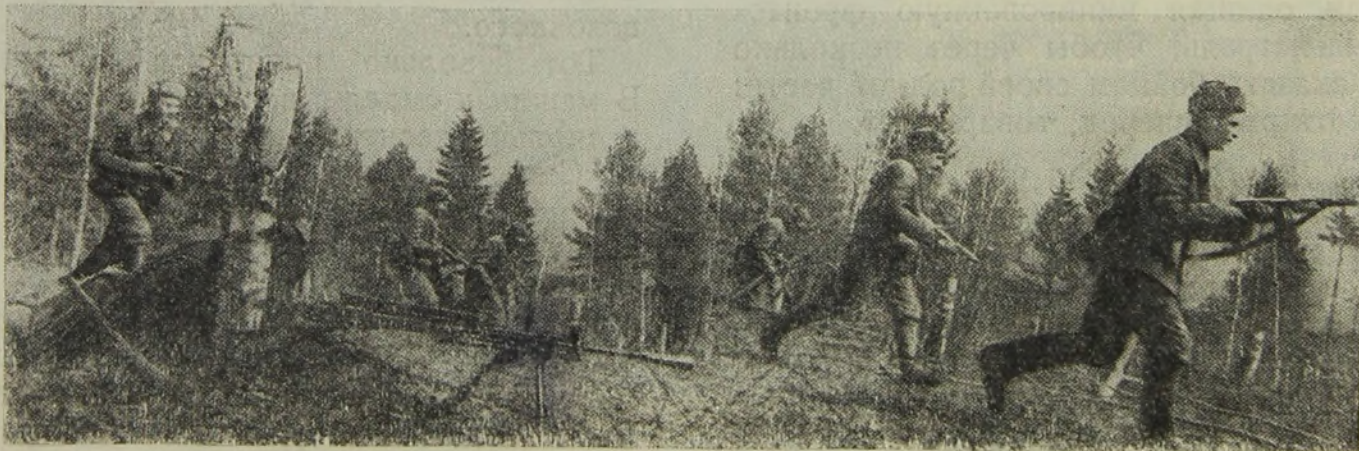

Гвардейцы—патриоты своих частей. Они гордятся своими товарищами, своим заслуженным знаменем, они дорожат честью боевого оружия. Есть в одной гвардейской части прекрасный обычай—беречь оружие героев. Батальонный комиссар С. Коровин, проходя мимо окопа, услышал разговор двух бойцов.

— Керим,—говорил красноармейцу Ахметову автоматчик из третьего эскадрона Савушкин,—повторяй, что я тебе говорю. Повторяй в присутствии комиссара, вот он идет! Отделение собрать некогда—давай сейчас.

Керим вытянулся.

— Ну,—строго сказал Савушкин,—говори и всегда помни: «Я, Ахметов Керим, гвардеец полка Морозова, принимаю от раненого гвардейца Тимофея Савушкина автомат, взятый им из рук убитого командира отделения гвардейца героя Петра Парамонова. Петр убил этим автоматом сто четырнадцать немцев. Савушкин убил им сто двадцать одного немца. Клянусь и я не выпускать автомата из рук до полной победы над врагом. Если же ранят меня, я отдам его с согласия командира в верные, надежные руки, сумеющие поддержать честь нашего гвардейского оружия».—Савушкин, этот мужественный и бывалый боец, с волнением поцеловал свой автомат.—Вы свидетель, товарищ комиссар,—сказал он.—Эх, как неохота расставаться!..—и с грустью пошел из окопа в санчасть, неловко поддерживая левую руку, наскоро завернутую в полу шинели...

Автоматчики-гвардейцы получили боевую задачу — занять новую огневую позицию.

ТРИНАДЦАТЫЙ ЛЫЖНИК

Рассказы Евг. Воробьева

колодца и дальше, у избы с высоким крыльцом, уже дважды сменились немецкие патрули, а Харламов все еще лежал в своей белой берлоге.

Справа разведчика укрывал плетень, слева — бугорок. Харламов зарылся в снег на огороде, за одним из крайних домов деревни.

Изредка, когда колени, локти и живот начинали коченеть, он осторожно, боясь загромоздить оружием, поворачивался на бок или на спину.

И снова томительные минуты ожидания, минуты, такие длинные, какими они умеют казаться человеку, который не ел уже двое суток и промерз до мозга костей.

Глаз хорошего разведчика видит все, и Петр Харламов за сутки пребывания в деревне приметил многое. В колхозных яслях — штаб. В амбаре напротив — склад боеприпасов. У околицы, в доме с каменным фундаментом, — пулеметное гнездо, левее — окопы.

Осторожность — никогда не помеха смельчаку, а разведчик, который возвращается из разведки, должен быть осторожен вдвойне: он рискует не только жизнью, но и добытыми сведениями.

Вот почему Харламов лежал в снегу много часов подряд и терпеливо ждал наступления темноты, когда можно будет подняться, достать из-под снега лыжи и пойти обратно к своим.

Но для этого ему нужно пройти незамеченным через всю деревню и добраться до ближнего леса.

Разведчик лежал, закрыв глаза, и думал о многом. Но чаще и приятнее всего думалось ему сейчас о железной печурке в землянке разведчиков, о накаленной печной трубе. Так больно и сладко ласкать ее окоченевшими пальцами, прикасаясь к жаркому железу на какие-то доли секунды и быстро отдергивая руку.

Харламов вновь открыл глаза. Смеркалось. Снег на крышах еще был белым, но между домами он уже отсвечивал фиолетовым.

Внезапно разведчик увидел, что по деревенской улице, в каких-нибудь тридцати шагах от него, скользит лыжник в халате. Белый капюшон закрывал шапку, лоб, рот, подбородок и форменный воротник, оставляя морозному ветру только узкую полоску лица.

И тени усталости не было в уверенных и легких движениях лыжника. «Значит, — подумал Харламов, — только собрался в путь-дорогу. Очевидно, разведка».

Вслед за первым лыжником, метрах в пяти позади, слегка пристукивая лыжами по насту, шел второй, за ним третий, четвертый.

Деять, десять, одиннадцать. Вот уже промелькнула согнутая под тяжестью какого-то ящика фигура двенадцатого.

Человек в белой берлоге подождал еще немного — больше никто не появился. Очевидно, двенадцатый лыжник был замыкающим.

Харламов вскочил на колени. Разгреб снег, достал лыжи, надел на запястья кожаные петли палок. Энергичный толчок, другой — и Харламов очутился на деревенской улице.

Через несколько домов он встретился лицом к лицу с солдатом, который нес в обнимку охапку дров. Затем встретились два немца, шедшие, очевидно, после смены караула. Они шли быстро и пританцовывали на ходу, стараясь согреться.

Харламов скользил, копируя размашистый шаг немцев, идущих впереди. Его отделяло от двенадцатого лыжника не больше сорока — пятидесяти метров. Он легко мог сойти за немецкого разведчика, несколько отставшего от своих товарищей. Харламов быстро освоился со своей ролью. Не отводя глаз, не смутившись, он разминулся с немецким оберлейтенантом так близко, что едва не задел офицера плечом.

Когда немцы вышли за околицу, Харламов отстал еще больше. Он шел на такой дистанции, чтобы какой-нибудь лыжник, обернувшись, не мог различить его лица. А кому придет в голову пересчитывать на ходу, сколько именно человек движется гуськом друг за другом?

Отряд растянулся длинной цепочкой, а Харламов шел метрах в двухстах от последнего немца.

Несколько раз путники останавливались на отдых. Немцы курили, подкреплялись из фляг. Тогда тринадцатый лыжник быстро освобождал ноги от креплений и плашмя падал в снег.

Он даже рад был этим непредвиденным привалам. Сказывались недоедание и усталость. Харламову трудно было тянуться за свежим отрядом.

Двенадцать лыжников вошли в лес, где стояла уже предвечерняя темнота, и остановились.

Тринадцатый притаился за елью и наблюдал. Немцы установили на треноге какой-то прибор. Когда наши орудия за лесом подавали голос, немцы начинали суетиться у прибора. То были звукометристы, они засекали нашу батарею.

«Быстрее к своим,— решил Харламов,— сообщить о «слухачах».

Звукометристы уже стали складывать прибор. Нужно было срочно убираться с дороги, по которой они должны возвратиться. Но уйти на лыжах в сторону по снежной целине — значило обнаружить себя свежей лыжней.

Харламов снял лыжи и пошел по снегу в чащу леса, осторожно ступая и замечая

за собой следы рукавичкой. Потом снова стал на лыжи и часа через два добрался до знакомой опушки. Он шел медленно, с трудом волоча ноги, а лыжные палки отяжелели в руках, словно они были вырезаны не из бамбука, а из водопроводных труб.

На пепельно-голубом небе висела холодная, оловянная луна. Ослепительный свет немецких ракет, который возникал где-то слева, казался желтым.

Разведчик пробрался через знакомую лазейку в колючей проволоке и ползком достиг расположения своих. Когда наши были уже совсем рядом, он приподнялся на колени, сложил руки рупором, хотел закричать. И он в самом деле закричал изо всех сил. Но крик его походил на хриплый шопот.

Когда Харламова окликнули, он был близок к беспамятству, но, слегка отдышавшись и отогревшись в окопе, отказался идти в землянку.

— Гвардейская совесть не позволяет, есть срочный разговор, — сказал он и попросил проводить его к командиру батареи.

Н О В О С Е Л Ь Е

ойцы ступают по голубым лужам — майское просторное небо отражается в них.

Снега не видно: он сохранился только в воронках от бомб и в заброшенных окопах по сторонам дороги — подточенный вешней водой, черный снег.

Полы шинелей у обоих путников подоткнуты. Сапоги чуть ли не по колено в дорожной грязи, злой и прилипчивой. За плечами винтовки и вещевые мешки, за поясами топоры.

Нелегко шагать по весенней грязи. Распутица сразу изменила представления о том, что такое далеко и что такое близко.

До деревни Высоково саперы добредают, когда солнце уже над головой.

Деревня сожжена немцами дотла. Огнеупорные остовы печей указывают, где

стояли дома. Заборами огорожены квадраты голой земли. Во всей деревне сохранились два дома и несколько бань. У домов стоят полуторки и автофургон, забрызганный грязью до крыши шоферской кабины. Наверное, народу в дома набилось битком.

— Лучше на солнышке посушимся, — говорит в раздумье сапер, который ростом повыше, и сворачивает с дороги.

Он открывает калитку и идет к печи, стоящей под открытым небом на пустом месте, огороженном плетнем.

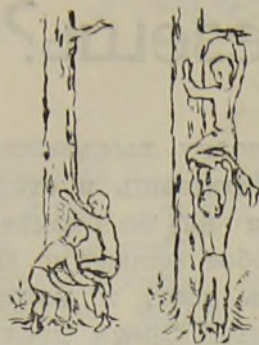
Через несколько минут печь растоплена. Сизый дым подымается в голубое, вымытое небо.

Саперы сидят рядом на теплых камнях — сушат одежду, кипятят в котелке воду.

— Весна, — неопределенно замечает низенький красноармеец, шурясь на солнце. — Весна, товарищ сержант, в полной форме.

Сержант ничего не отвечает и тоже шурится на солнце.

жесть тела на ноги, перехватил руками повыше и опять подтянулся.

Следующим этапом эстафеты было лазание с помощью товарища.

Петя подождал Колю Матвеева, бегущего сзади него. Затем он нагнулся, взял Колю левой рукой под колени, а правой — за подъем ноги. Быстро сосчитал «раз, два, три» и поднял оттолкнувшегося от земли Колю. Тот захватил руками ветвь, подтянулся, сел на нее, потом спустился, и мальчики побежали дальше.

Теперь уже Коля поддерживал Петю. Он сложил руки «площадкой». Петя поставил

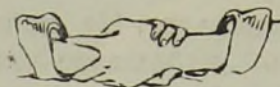
ногу, и оба вместе выпрямились.

На следующем дереве ветви расположены гораздо выше, и Коле пришлось стать Пете на плечи.

Последнее дерево тоже с высоко расположенными ветвями. Но, по условиям эстафеты, надо было применить уже другой способ. Мальчики соединили руки «в замок», затем Петя поставил левую ногу на левое бедро товарища и, оттолкнувшись правой ногой от земли, коленом стал на правое плечо Коли.

Петя и Коля первыми кончили эстафету.

Изучите-ка вы, ребята, у себя в лагере эти способы лазания на деревья и устройте такую же эстафету.

СОДЕРЖАНИЕ

Это — гвардейцы	1	Больше металла, больше оружия!— <i>Фотоочерк А. Устинова</i>	20
Тринадцатый лыжник. Новоселье.— <i>Рассказы Евг. Воробьева</i>	5	Твоя наблюдательность, пылкость и неутомимость нужны родине.— <i>В. Обручев</i>	21
Держись, капитан! — <i>Рассказ Льва Кассиля. Рис. Е. Афанасьевой</i>	8	Прочти и запомни!	26
Прочти на полевом стане	12	Партизан Королев.— <i>(Окончание) И. Рахманов. Рис. Л. Голованова</i>	27
Рассказ о мальчике, оставшемся неизвестным.— <i>Стихи Павла Антокольского. Рис. А. Брея</i>	13	Фотография.— <i>Стихи Сергея Михалкова</i>	32
Маленький герой.— <i>Рассказ Р. Фраермана. Рис. Б. Преображенского</i>	15	Славная русская гвардия.— <i>Н. Шихеев</i>	35
Беспокойный человек.— <i>Рассказ Вадима Кожевникова. Рис. П. Митурича</i>	17	Сельскохозяйственная школа «Пионера»	40
Воздушная стража Москвы.— <i>Стихи А. Суркова</i>	19	На рыбалке — <i>Д. Зуев</i>	44
		Умеешь ли ты правильно бегать?— <i>Мастер спорта А. Пугачевский</i>	46
		На всякое ли дерево ты влезешь?	47

На обложке: картина художника Г. Нисского — «Морской бой»

Редколлегия: Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор),
Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Сафонов В. А.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комната 804, телефон Д 3-30-73

Подписано к печати 8/VII 1942 г.

Изд. № 546.

А 50930 82×110 1/16 бум. листа 76 800 печ. зн. в печ. листе 3 п. л.
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1424. Тираж 50 000